

Попов И. В. Тертуллиан: (Опыт литературной характеристики) // Богословский вестник 1893. Т. 4. № 11. С. 197–220 (2-я пагин.). (Начало.)

ТЕРТУЛЛИАНЪ *).

(Опытъ литературной характеристики).

Тертуллианъ былъ сыномъ карфагенскаго сотника. Его родина вполне восприняла Римскую культуру съ ея реализмомъ, здравымъ государственнымъ смысломъ, практичностью, энергіей, чувственностію и роскошью. Но суровый и воинственный пуническій характеръ жителей Сѣверной Африки сообщилъ этимъ чертамъ еще болѣе рѣзкое выраженіе. Тертуллианъ былъ вполне сыномъ своей страны. Не смотря на свое плебейское происхожденіе, Тертуллианъ получилъ блестящее свѣтское образованіе. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ обнаруживаетъ близкое и обстоятельное знакомство съ исторіей, археологіей, медициной, особенно римскимъ правомъ, философіей и поэтами. Но философіи онъ не любилъ, считая ее матерію всехъ ересей ¹⁾. Особенно не терпѣлъ онъ идеалистическихъ греческихъ спекуляцій. Онъ порицалъ Платона за его идеализмъ, Аристотеля за діалектику, ко-

---

*) Дошедшія до насъ сочиненія Тертуллиана можно раздѣлять на три группы: апологетическія, полемико-догматическія и правоучительныя. Апологетическія: *apologeticus, ad nationes* I. II, *ad Scapulam, de testimonio animae, adversus iudaeos*. Полемико-догматическія: *de praescriptionibus adversus haereticos, de baptismo, adversus gnosticos scorpiae, adversus Marcionem* I. V, *de anima adversus Praxeam, de resurrectione carnis, de carne Christi*. Правоучительныя: *de poenitentia, de oratione, de jejuniis, ad uxorem* I. II, *de cultu foeminarum, de habitu mulierum, de virginibus velandis, de patientia, ad martyres, de spectaculis, de idolatria, de corona militis, exhortatio ad castitatem, de monogamia, de pudicitia, de fuga in persecutione, de pallio*. Мы пользовались русскимъ переводомъ Кареева и нѣмецкимъ переводомъ Кельнера.

¹⁾ *De anim.* 3.

торой можно пользоваться для какой-угодно цѣли ²⁾, демоноионъ Сократа считалъ злымъ демономъ, но о Сенекаѣ говорилъ снисходительнѣе и въ своихъ воззрѣнiяхъ подчинился влiянiю стоицизма ³⁾. Не смотря на свое блестящее образованiе, Тертуллианъ не былъ однако ученымъ. Онъ менѣе всего былъ въ состоянiи руководствоваться соображенiями разсудка, и вовсе не теоретическiя убѣжденiя привели его въ лоно церкви. Воображенiе его было поражено стойкимъ мужествомъ христіанскимъ мучениковъ ⁴⁾ и свидѣтельствомъ демоновъ объ истинѣ христіанства ⁵⁾. Онъ не былъ также и поэтомъ. Ему не доставало той спокойной созерцательности и чувства родства съ природой, которыя такъ сильно склоняють поэтовъ къ пантеизму. Чтенiе Гомера доставляло ему мало удовольствiя ⁶⁾. Симпатическiя чувства были слабо развиты въ немъ. Онъ не имѣлъ повидимому сердечныхъ привязанностей, или, по крайней мѣрѣ, онъ былъ такъ немногочисленны и слабы, что отъ нихъ не осталось слѣдовъ въ его сочиненiяхъ. Ненависть и суровость были ему знакомѣе, чѣмъ лѣзвiе и ласка. Онъ говорилъ о горячайшемъ удовольствiи имѣть дѣтей ⁷⁾ и полагалъ, что ни одинъ разумный человѣкъ не сталъ-бы заботиться объ ихъ воспитанiи, еслибы гражданскiе законы не вынуждали его взять на себя это тяжкое бремя ⁸⁾. Оттого людей понималъ онъ еще менѣе, чѣмъ природу. Онъ не могъ перенестись въ положенiе своихъ противниковъ, стать на ихъ точку зрѣнiя, но снѣшилъ прежде всякихъ доводовъ обозвать ихъ скорпионами ⁹⁾, ехиднами ¹⁰⁾ или чудовищами ¹¹⁾. Однако, не будучи поэтомъ, Тертуллианъ писалъ необыкновенно живо, образно и пластично. Это потому, что страсть всегда дви-

2) De praeser. I. 7.

3) Напр., въ своемъ ученiи о матеріальности души и ея сближенiи (*ψυχολογία*, De anim. 5. 15.

4) Apol. 50.

5) Apol. 23.

6) Ad nation. 1, 10.

7) Ad uxor. I, IV.

8) Exhort. ad cast. 12.

9) Scorp. 1.

10) De bapt. 1.

11) Adv. Marc. I, 1.

гала его перомъ. Онъ былъ ораторомъ по природѣ, и сочиненія его по мѣстамъ могутъ служить образцомъ ораторской прозы. Идея или настроеніе захватывали его всецѣло. Въ изычествѣ онъ до дна выпилъ чашу языческихъ удовольствій, увлекался театромъ и циркомъ и далеко не былъ свободенъ отъ чувственныхъ пороковъ¹²⁾. Такъ онъ началъ, а кончилъ суровымъ ригоризмомъ монтанизма и отреченіемъ отъ всего, что хотя и отдаленно могло напоминать язычество. Во что онъ вѣрилъ, тому былъ преданъ всей душою и защищалъ это *per fas et nefas*. Въ жертву минутъ приносились и логика, и текстъ св. Писанія. Отсюда противорѣчія. Онъ придаетъ огромное значеніе преданію, когда оно доказываетъ его мысль¹³⁾, а когда обычай противъ него, онъ заявляетъ, что Христосъ есть истина, а не обычай¹⁴⁾. Терпѣніе и кротость казались ему добродѣтелями, превышающими паличность человѣческихъ силъ¹⁵⁾, но эта-то пылкость характера дѣлала изъ него лучшаго бойца за христіанство противъ язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ. Когда мысль занимала его сознаніе, онъ требовалъ, чтобы съ ней соглашались все и не знали ни снисхожденія къ слабости ни смягчающихъ обстоятельствъ. Правда, онъ доказывалъ язычникамъ, что «противно религій пришеждать къ религій»¹⁶⁾, но тоже дѣлають ультрамонтанскіе миссіонеры въ Китаѣ. Но крайней мѣрѣ, онъ не прочь былъ отрубить руки у тѣхъ ремесленниковъ изъ христіанъ, которые не хотѣли отказаться отъ приготовленія для язычниковъ цдоловъ и, не смотря на это, дерзали приступать къ таинству Евхаристіи¹⁷⁾. Онъ утверждалъ также, что гораздо умѣстнѣе *принуждаютъ* еретиковъ къ исполненію ихъ долга, чѣмъ убѣждать ихъ, и что необходимо сломить силою упорство непокорныхъ¹⁸⁾. Тертуллианъ былъ суровымъ и ригористичнымъ моралистомъ. Его привлекало не спекулятивное христіанство александрійцевъ и не христіанство милосердія и кро-

12) Ad nat. 1, 10. De spect. 19, Apol. 15.

13) De coron. mil. 2.

14) De virg. vel. 1, ерав. de orat. 14.

15) De pat. 1.

16) Ad Scarp. 2.

17) De idol. 7.

18) Scorp. 2.

тости, но христіанство сверхчеловѣческой строгости, ожесточенная война съ міромъ и ложью и ненависть къ врагамъ царства Божія. Вкусы его были демократичны и чужды утонченности. Ему нравились простые и полные достоинства нравы древней римской республики. Онъ хвалитъ Катона и Сципіона и молчитъ о Цезарѣ ¹⁹⁾. Истинны онъ искалъ въ свидѣтельствѣ грубой и непосредственной природы. Онъ не любилъ искусственности во всѣхъ ея видахъ, начиная отъ философскихъ построеній и кончая косметиками ²⁰⁾.

Изъ сказаннаго не трудно видѣть, что въ характерѣ Тертуліана рѣзко выдѣляются двѣ основныхъ черты. Это—практичность и реализмъ римлянина, соединенный съ суровой пылкостью крайне страстной натуры. Эти два господствующихъ свойства даютъ ключъ къ уразумѣнію сочиненій Тертуліана со стороны ихъ содержанія и формы. Реализмъ, свойственный характеру Тертуліана, можетъ служить по преимуществу матеріальнымъ принципомъ для пониманія его сочиненій: имъ объясняется содержаніе идей этого писателя; страстность-же его природы гораздо болѣе можетъ служить формальнымъ принципомъ; она объясняетъ крайности воззрѣнія карфагенскаго пресвитера и нѣкоторыя внѣшнія особенности его сочиненій.

Тертуліанъ родился и воспитался въ переходную эпоху. Римская имперія дряхлѣла, деспотизмъ тиранновъ не оставлялъ мѣста для благородной дѣятельности, древнія начала жизни изветшали и ни въ комъ не возбуждали довѣрія. Нравственные идеалы были принижены. Оставалось мѣсто только для вульгарныхъ удовольствій плоти. Все, что только еще было способно къ жизни въ этомъ омертвѣвшемъ обществѣ, томилось смутною жаждою обновленія и оцнцую искало нравственной опоры. Въ подобныя переходныя эпохи остается вѣрнымъ старшимъ только тотъ, кому умственная и нравственная ограниченность позволяетъ довольствоваться животнымъ благополучіемъ, или тотъ, кто по слабохарактерности не смѣетъ порвать со своимъ прошедшимъ. Тертуліанъ былъ чуждъ того и другаго. Высоко выдѣляясь надъ умственнымъ уровнемъ своего вѣка, извѣдавъ языче-

¹⁹⁾ Apol. II.

²⁰⁾ De cult. foem. II, 1.

ство и теоретически—по книгамъ и практически—въ жизни. Тертуллианъ не могъ не замѣтить свѣжести и мощи христіанства, которое одно прерывало безнадежную монотонность общественной жизни, не могъ не видѣть, что въ немъ именно кроется сила, которая должна обновить одряхлѣвшій міръ.

Христіанство того времени имѣло для стоящаго внѣ его взора двѣ формы -- гностицизмъ и православіе. Оставляя язычество, одни выбирали одно, другіе—другое. Августинъ сначала былъ манихеемъ, Тертуллианъ прямо елдонился къ церкви. Его реалистическая натура не могла помириться съ гностицизмомъ. Гностицизмъ илѣпляетъ своихъ современниковъ призракомъ научности. Онъ ставитъ своей задачей раскрыть тайны происхожденія и конца вселенной, сорвать покрывало съ отдаленнаго прошлаго и загадочнаго будущаго, разрѣшить вопросы о сущности добра и зла, свободы и необходимости, выяснитъ процессы міроваго развитія. Это были жгучіе вопросы того времени, волновавшіе философскіе умы ²¹⁾. Воображеніе тѣхъ, у кого жажда истины была слишкомъ томительна, распалалось еще болѣе тѣмъ покровомъ таинственности, который гностики набрасывали на свое эсotericское ученіе. Употребляемыя ими еврейскія и халдейскія формулы, символическіе знаки, таинственныя апокрифическія книги — все это казалось чѣмъ то необыкновеннымъ и прельщало надеждой, что здѣсь-то и скрывается истина. Затѣмъ гностицизмъ соответствовалъ духу времени своимъ презрѣніемъ—къ плоти. Онъ смотрѣлъ на плоть, какъ на злое начало. Отсюда докетизмъ и отрицаніе воскресенія мертвыхъ въ догматикѣ, аскетизмъ и аптипомизмъ въ нравственности.

Съ своей формальной стороны гностицизмъ отличался произвольностію своихъ построеній. Очень часто онъ болѣе напоминалъ поэму, чѣмъ философскую систему. Генеалогія эповъ, ихъ страстное томленіе познать непостижимаго отца, происхожденіе природы отъ изліянія илпромы, плачь и ужасъ *σασίς ἐχασίωθ*, превращеніе ся слезъ въ моря и рѣки, смѣха—въ свѣтъ, изумленія и замѣнательства—въ неподвижность матеріальнаго бытія, искупленіе и постепенное возвращеніе

²¹⁾ Adv. Marc. 1, 2.

Божества въ плирому,—все это дѣлало напр. систему Валентина величественной религіозной поэмой, проникнутой чувствомъ тожества Божества и міра. Принятый гностиками и доведенный ими до послѣдней крайности аллегорической методъ истолкованія св. Писанія давалъ полную возможность для такихъ произвольныхъ построеній.

Гностицизмъ легко привлекалъ къ себѣ симпатіи такихъ созерцательныхъ, эстетическихъ и утонченныхъ натуръ, какъ бл. Августинъ. Послѣдній испыталъ страстное томленіе познать истину со всеми его муками. Самое слово „истина“ повергало его въ какой-то священный трепетъ. Съ нимъ у него необходимо сливалось понятіе о научной формѣ, о доказательствахъ философскаго характера, объ изяществѣ выраженія мыслей. Его цѣплялъ Аристотель²²⁾, Цицеронъ²³⁾ и Виргилій²⁴⁾. Вотъ почему онъ „не хотѣлъ быть смиреннымъ младенцемъ, котораго не можетъ соблазнять безыскусственность Писанія, а старался сдѣлаться мудрымъ и разумнымъ“. „Писаніе казалось ему не заслуживающимъ сравненія съ прекрасными сочиненіями Туллія: Цицеронъ былъ такъ изященъ и краснорѣчивъ, а оно такъ просто, положительно и даже грубо“²⁵⁾. Но гностицизмъ противорѣчилъ реалистическимъ наклонностямъ Тертуллиана. Для него истина была дорогѣ въ виду своихъ практическихъ цѣлей. Христіанское знаніе важно потому, что ведетъ къ спасенію. Онъ порицалъ праздные вопросы философовъ и еретиковъ, которые путаются себя одними и тѣми-же проблемами: откуда зло и для чего оно? Откуда взялся человѣкъ и какъ произошелъ“²⁶⁾? Его отталкивала въ гностицизмѣ также та поэтическая вольность построеній, которая не можетъ удовлетворить человѣка, ищущаго осязательнаго завѣренія истины, равно какъ и своеобразный гностическій пантеизмъ, не сродный его наклонностямъ. Онъ не могъ „принять этихъ мечтаній о Богѣ“²⁷⁾. Разногласіе гностическихъ системъ ясно показывало Тертуллиану ихъ шат-

²²⁾ Август. Испов. Кн. IV гл. 16.

²³⁾ Ibid. III, 4.

²⁴⁾ Ibid. I, 17.

²⁵⁾ Ibid. III, 5.

²⁶⁾ Praescrip. VII

²⁷⁾ Adv. Valent. XXIV.

кость. „Искать истины у Маркіона, восклицаетъ онъ? Но Валентинъ съ своей стороны кричитъ: ищите и обрящите. Искать у Валентина? Но Апеллесъ повторяетъ тоже самое. Эвионъ, Симонъ употребляютъ ту же хитрость, чтобы привлечь меня въ свою партію“²⁸⁾. Что эти именно причины отталкивали Тертулліана доказываетъ то, что для него особенно была непавиетна платонистическая система Валентина, породившая множество отдѣльныхъ сектъ, и настолько напоминавшая поэму, что самъ Тертулліанъ называетъ ее комедіей въ трехъ актахъ²⁹⁾. Докетизмъ гностиковъ также не соответствовалъ реализму Тертулліана, а ихъ антиномизмъ—его нравственной строгости и стремленію къ регламентаціи нравственнаго поведенія. Больше соответствовало природѣ Тертулліана положительное, твердое, чуждое искусственности церковное ученіе, и онъ вступилъ въ число членовъ церкви.

Прослѣдимъ теперь, какъ отразился свойственный натурѣ Тертулліана реализмъ на содержаніи его церковныхъ идей. Если мы въ сжатомъ видѣ передадимъ гносеологическія, догматическія и нравственныя воззрѣнія Тертулліана, то безъ труда замѣтимъ ихъ рѣзкую реалистическую окраску. Гносеологию Тертулліана можно раздѣлить на теорію естественнаго и богословскаго познанія. Первая служитъ отрицаніемъ платонизма, а второе — философской діалектики и аллегоризма.

Въ противоположность платоникамъ, признававшимъ врожденность идей, проводившимъ рѣзкую грань между познаніемъ рациональнымъ и чувственнымъ, считавшимъ первое безусловно истиннымъ, а второе безусловно обмалчивымъ, Тертулліанъ защищаетъ права чувства въ дѣлѣ познанія. Чувство, по его мнѣнію, даетъ матеріалъ познанія, который перерабатывается разумомъ. Оно есть виновникъ, порука и первое основаніе познанія истины. Безъ него умъ не можетъ существовать³⁰⁾. Обманчивость внѣшнихъ чувствъ имѣетъ мѣсто лишь въ частныхъ и исключительныхъ случаяхъ и можетъ быть предусмотрена и исправлена повѣркою самихъ-же чувствъ³¹⁾. Вообще же

²⁸⁾ *Preser.* X.

²⁹⁾ *Adv. Valent.* XIII.

³⁰⁾ *De anim.* c. 18.

³¹⁾ *De anim.* c. 17 и 18.

„всякое чувство есть знаніе и знаніе есть чувство ³²⁾). Въ этихъ немногочисленныхъ выдержкахъ намѣчается чисто эмпирическое рѣшеніе вопроса о происхожденіи идей разума.

Тертуліанъ былъ преисполненъ недобвѣрія къ утонченнымъ діалектическимъ приѣмамъ тогдашней философіи и считалъ ихъ обоюдоострымъ оружіемъ ³³⁾. Ему нужны были простые, доступные для всѣхъ, ясные признаки истины. И онъ находилъ ихъ въ свидѣтельствѣ простой, грубой и необразованной души, которой еще не коснулся тлѣтворный духъ культуры. „Все естественное говоритъ отъ Бога, все искусственное отъ дьявола“. „Природа — наша первая школа; все, что противъ нея, чудовищно“ ³⁴⁾. Истинныя тенденціи души произвольно прорываются сквозь густой слой лжи и напыщенности, которыя развиваются въ школахъ, бібліотекахъ, академіяхъ и подъ портиками Греціи ³⁵⁾. Такъ напр. язычники въ минуту волненія восклицаютъ: какъ будетъ угодно Богу, хотя признаютъ не одного, а многихъ боговъ ³⁶⁾. Они говорятъ: Богъ воздастъ! Богъ разсудитъ между нами! признавая Божественное правосудіе“. „Эти свидѣтельства души простой тѣмъ болѣе вѣроятны, что обыкновенно бываютъ весьма просты. Простота дѣлаетъ ихъ распространенными; а чѣмъ болѣе они распространены, тѣмъ болѣе они всеобщы. Всеобщность ихъ доказываетъ, что они естественны и слѣдовательно въ нѣкоторомъ смыслѣ Божественны“ ³⁷⁾. Въ этихъ словахъ мы имѣемъ предъ собою отчетливо выраженную философію здраваго или общаго смысла. Любопытно, что въ новое время это направленіе философской мысли возродилось въ Шотландіи и упорно держится въ Англии, среди народа, практичность, эмпиризмъ и здравый смыслъ котораго вошли въ пословицу.

Въ связи съ этимъ предпочтеніемъ естественнаго искусственному, непосредственнаго и безсознательнаго разсудочному и сознательному у Тертуліана стоитъ признаніе вѣ-

³²⁾ De anim. ibid.

³³⁾ Preser. VII.

³⁴⁾ De testim. an. 5.

³⁵⁾ Ibid. 1.

³⁶⁾ Ibid. 2.

³⁷⁾ Ibid. 5.

щей силы сповидѣній и экстаза, какъ состоянія духа, въ которомъ для человѣка бываютъ доступнѣе всего Божественныя откровенія. Тертулліанъ утверждалъ, что „большинство людей познаетъ Бога изъ сповидѣній“ и быть можетъ при переходѣ въ христіанство самъ подчинился ихъ вліянію ³⁸⁾). Что касается экстаза, какъ необходимаго условія пророческаго вдохновенія, то этому вопросу у Тертулліана былъ посвященъ обширный трактатъ въ семи книгахъ, не дошедшій до насъ вѣроятно потому, что слишкомъ противорѣчиль общецерковному сознанію. О существованіи этого сочиненія упоминаетъ бл. Іеронимъ ³⁹⁾).

Взаимомъ религіознаго познанія Тертулліанъ признаетъ авторитетъ церкви и св. Писаніе, буквально истолкованное.

Вмѣсто всякихъ философскихъ и діалектическихъ доказательствъ истины церковнаго ученія, доказательствъ, опирающихся на внутреннемъ чувствѣ и убѣжденіи, Тертулліанъ ищетъ внѣшняго и осязательнаго завѣренія истины въ авторитетѣ церкви. Свою полемику съ гностиками онъ начинаетъ книгою о прескрипціяхъ, цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ всѣмъ ересямъ вообще, указать фактъ, несомнѣнно доказывающій ихъ несостоятельность, и сдѣлать излишнимъ кропотливый разборъ частныхъ. Сущность прескрипцій состоитъ въ признаніи ручательства истины въ непрерывности церковнаго преданія, въ большой древности церковнаго ученія сравнительно съ доктринами еретиковъ, въ его давности. Всякая ересь есть ложь, потому что она возникла позднѣе церкви. Если-же церковное ученіе древнѣе еретическаго, то оно и есть истинное ученіе, ибо истина предшествуетъ заблужденію и ложь есть не что иное, какъ искаженіе истины.

Такимъ образомъ когда возникаетъ сомнѣніе въ чемъ нибудь или является новое ученіе, то вмѣсто того, чтобы вдаваться въ тонкія изслѣдованія и колебаться въ неизвѣстности и неувѣренности, нужно сдѣлать простую справку: содержитъ ли это новое ученіе церковь и не противорѣчить-ли оно ея законнымъ вѣрованіямъ? Вопросъ рѣшается скоро, просто и ясно. Этимъ любимымъ приемомъ Тертул-

³⁸⁾ De anim. 47.

³⁹⁾ Hieron. Catal. 53 у Hauk'a Tertullians Leben und Schriften, Erlangen 1877.

ліанъ пользуется почти въ каждомъ изъ своихъ полемическихкихъ сочиненій. Конечно, самъ Тертуліанъ не ограничивался одними этими методами. Онъ писалъ цѣлыя философскіе трактаты, разсуждалъ о Богѣ, Троицѣ, душѣ, причемъ съ уснѣхомъ пользовался тѣмъ самымъ орудіемъ, за изобрѣтеніе котораго такъ горячо порицалъ Аристотеля, но это были отчасти *argumenta ad hominem*, отчасти противорѣчіе, потому что послѣдовательность вообще не относится къ характеристическимъ чертамъ этого писателя. Ведя ожесточенную борьбу съ еретиками, онъ былъ естественно поставленъ въ необходимость говорить языкомъ убѣдительнымъ для нихъ, распутывать ихъ софизмы и ихъ еретической метафизикѣ противопоставить свою, церковную, а увлеченіе борьбою дѣлало его не совсѣмъ разборчивымъ въ средствахъ.

Гностики довели до крайности аллегорическій методъ толкованія св. Писанія, что открывало имъ путь къ самымъ произвольнымъ выдумкамъ. Это и естественно. Если все въ Библии образъ, какъ утверждали они, то въ ней нѣтъ ничего твердаго ¹⁰⁾. Тертуліанъ не могъ согласиться съ этимъ. Практическая необходимость увѣренности въ истинахъ, отъ которыхъ зависитъ спасеніе, побудила его предпочитать буквальный, историко-критическій и филологическій методъ истолкованія св. Писанія. Самъ онъ охотно прибѣгалъ къ филологическимъ справкамъ ¹¹⁾ и снесенію параллельныхъ мѣстъ ¹²⁾. Но аллегорическій методъ толкованія св. Писанія до такой степени былъ распространенъ и настолько соответствовалъ умственнымъ теченіямъ той эпохи, что Тертуліанъ не могъ отрицать его совершенно. Онъ старался только ограничить объемъ его примененія и сократить произвольность и шаткость этого метода установленіемъ опредѣленныхъ правилъ его употребленія. По мнѣнію Тертуліана не вездѣ и не всегда нужно пользоваться аллегорическимъ способомъ толкованія ¹³⁾, а только тамъ, гдѣ при буквальномъ изъясненіи получается несо-

¹⁰⁾ De resur. 20.

¹¹⁾ Adv. Hermoh. 19, 26, 31.

¹²⁾ De orat. 16, adv. Hermoh. 20.

¹³⁾ De resur. 20 и 33.

образность ⁴⁴⁾. Тамъ, гдѣ необходимо воспользоваться аллегорическимъ методомъ, нужно имѣть въ виду два основныхъ правила. Во первыхъ нужно объяснить всякій библейскій образъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его употребляетъ сама Библия. Такъ напр. подъ образомъ „меча“ въ ис. 45 ст. 4. Тертуллианъ понимаетъ Слово Божіе, потому что въ Библии „мечъ“ служитъ обычнымъ символомъ этого понятія (Апок. I, 16) ⁴⁵⁾. Во вторыхъ при аллегорическомъ истолкованіи цѣлое должно служить объясненіемъ для части, а не наоборотъ. Такъ напр. если въ Библии встрѣчается видимое противорѣчіе, то предпочтеніе нужно отдать той мысли, въ пользу которой говоритъ большее количество текстовъ ⁴⁶⁾ и согласно съ большинствомъ текстовъ объяснять меньшинство имъ противоположныхъ и спорныхъ изреченій. Далѣе, при истолкованіи отдѣльнаго изреченія нужно принимать во вниманіе цѣль книги и общія воззрѣнія и характеръ писателя.

Итакъ, реализмъ, свойственный характеру Тертуллиана, привелъ его къ эмпиризму въ ученіи о происхожденіи идей, къ предпочтенію естественнаго и непосредственнаго разсудочному и искусственному, къ преклошенію предъ вышшимъ церковнымъ авторитетомъ и къ ограниченію аллегоризма. Такова отличительная особенность его теорій естественнаго и богословскаго познанія.

Еще рельефнѣе выдается реалистическая окраска богословскихъ воззрѣній Тертуллиана. Къ числу особенностей и даже странностей его богословскихъ воззрѣній нужно отнести его ученіе о тѣлесности Бога. „Богъ есть тѣло, хотя опъ и Духъ“ ⁴⁷⁾, утверждаетъ Тертуллианъ. Въ Богѣ нужно различать тѣло и духъ. Его тѣло *sub generis*. Оно таково, что и, имѣя его, Богъ остается непостижимымъ, невидимымъ ⁴⁸⁾, вѣчнымъ ⁴⁹⁾ вездѣущимъ и неизмѣняемымъ ⁵⁰⁾. Тѣло Бога имѣетъ и члены, о которыхъ упоминаетъ св. Писаніе, — десницу, глаза, ноги, по

⁴⁴⁾ Scorp. 11. De resur. 26.

⁴⁵⁾ Adv. Marc. 3, 11.

⁴⁶⁾ Adv. Prax. 20.

⁴⁷⁾ Adv. Prax. с. 7.

⁴⁸⁾ Adv. Prax. с. 14.

⁴⁹⁾ Adv. Marc. II с. 16.

⁵⁰⁾ Adv. Prax. с. 16 и 27.

ихъ не слѣдуетъ сравнивать съ соответствующими членами человеческого тѣла, хотя они и сближаются съ ними общимъ названіемъ. Какъ бы мы не истолковали эту странность Тертуліановской догматики, остается однако несомнѣннымъ, что этотъ писатель не могъ удовлетвориться абстрактно-идеалистическими понятіями о Богѣ. Ему казалось, что эти понятія недостаточно выражаютъ реальность Божества, и своимъ ученіемъ о тѣлесности всего существующаго онъ старается отбѣить эту именно сторону.

Приписавъ тѣло Богу, Тертуліанъ совершенно послѣдовательно мыслить надъ формою тѣла и ангеловъ. „Невидимыя существа, говоритъ онъ, имѣють у Бога свое тѣло и свойственный имъ видъ, посредствомъ котораго они видимы для одного Бога“ ³¹⁾. Тѣло ангеловъ грубѣе тѣла Бога и тоньше человеческого тѣла. Ангель есть духъ матеріальный (*angeles spiritus materialis*) ³²⁾, созданный изъ какой-то огненной и свѣтовидной сущности, ибо въ не. 103 сказано: „твори ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный“. Но тѣло Ангеловъ не можетъ идти въ сравненіе съ грубымъ человеческимъ тѣломъ. У нихъ *corpus*, а не *caro* ³³⁾. Одни изъ ангеловъ не устояли въ добрѣ и пали. Ихъ вина состоитъ между прочимъ въ любви къ дочерямъ человеческимъ и плотскомъ союзѣ съ ними, какъ это видно изъ извѣстнаго мѣста книги Бытія (гл. VI, 1—2) ³⁴⁾. Потому-то женщины и дѣвушки, являясь предъ лицомъ Бога, предъ Которымъ онѣ виновны въ паденіи ангеловъ, должны покрывать свое лицо, соблазнъ котораго простирался нѣкогда до самого неба. Потому-то и Апостоль повелѣваетъ имъ имѣть на главѣ знакъ власти мужа „ради ангеловъ“ (I Кор. XI, 10) ³⁵⁾. Отъ плотскаго союза ангеловъ съ женщинами произошли демоны.

Душа человѣка также тѣлесна и имѣетъ форму человеческого тѣла. „Когда Богъ вдулъ въ человѣка дыханіе жизни... оно тотчасъ перенеслось внутрь человѣка и раз-

³¹⁾ Adv. Prax. c. 7.

³²⁾ Adv. Marc. lib. II, 8.

³³⁾ De carn. Chr. c. 6.

³⁴⁾ De cult. foemin. lib. I c. 4; De virg. Vel. cap. 7; Adv. Marc. lib. Vc. 18.

³⁵⁾ De virg. vel. 7. ep. de orat. 16.

лилось по всемъ частямъ тѣла, ступилось и заключилось въ тѣлесныя границы, какъ въ литейную форму“³⁶⁾. Это и есть внутренній человекъ. Тѣло души весьма тонко и недоступно нашимъ грубымъ органамъ чувствъ, но въ минуту озаренія отъ Духа Святаго его можно видѣть и тѣлесными очами. Одна сестра монтанистка въ экстазѣ видѣла духъ „не какъ пустое и безсодержательное качество, а облеченнымъ въ человѣческую форму, душу пѣжную, блестящую, воздушнаго цвѣта“³⁷⁾. Неудивительно, душа обладаетъ всеми необходимыми свойствами, которыя философы приписываютъ тѣлу — именно вѣшнимъ видомъ и протяженіемъ трехъ измѣреній — въ длину, ширину и высоту³⁸⁾. Какъ тѣлесная, душа питается тѣлесною же пищею, а не духовною только, какъ утверждаютъ платоники, ибо никто не можетъ поддерживать угасающую жизнь мудрыми изреченіями Платона и Аристотеля³⁹⁾. Св. Писаніе подтверждаетъ эти мысли притчею о богатомъ и Лазарѣ⁴⁰⁾. Если богатъ страдалъ, то потому, что душа его имѣла тѣло. Безтѣлесное ничего не чувствуетъ, потому что не имѣетъ органовъ воспріятія⁴¹⁾. Человекъ есть союзъ души и тѣла⁴²⁾. Душа и тѣло находятся въ тѣснѣйшемъ единеніи между собою. „Богъ помѣстилъ душу во плоти, или лучше сказать, посѣлилъ и смѣшалъ ее съ плотію и такъ тѣсно соединилъ ихъ, что трудно навѣрное сказать, плоть-ли служить носителемъ духа или душа носителемъ плоти, душа-ли повинуется плоти или плоть душѣ“⁴³⁾. Что касается происхожденія душъ, то Тертуллианъ, отрицая теоріи предсуществованія⁴⁴⁾ и переселенія душъ⁴⁵⁾, держится традиціонизма. Душа зачинается одновременно съ тѣломъ въ естественномъ актѣ рожденія и происходитъ отъ душъ отца

³⁶⁾ De anim. 9.

³⁷⁾ Ibid. 8 и 9.

³⁸⁾ Ibid. 9.

³⁹⁾ Ibid. c. 6.

⁴⁰⁾ Ibid. c. 7.

⁴¹⁾ De anim. c. 7. ep. apol. 48.

⁴²⁾ De resur. carn. C. 40.

⁴³⁾ Ibid. c. 77.

⁴⁴⁾ De anim. 23-26.

⁴⁵⁾ Ibid. 28-31.

и матери ex semine animae ⁶⁶). (Различается физическое и душевное сѣмя).

Въ понятіи Тертуліана о благодати рѣзко выражается тотъ-же реализмъ. Для крещенія употребляется вода потому, что Духъ Божій, нѣкогда носившійся надъ водой, освятилъ ее. „Вещество, занимающее низшее положеніе, съ естественною необходимостію принимаетъ въ себя свойства вещи, находящейся надъ ней. Въ особенности все матеріальное способно замѣтывать свойства духовного, потому что послѣднее, благодаря тонкости своей субстанции, легко проникаетъ въ первое. И теперь во время крещенія, послѣ призыванія, Духъ Святой немедленно нисходитъ, и оставаясь вверху воды, освящаетъ ее изъ себя, и вода, освященная такимъ образомъ, сама впитываетъ въ себя силу освящать“ ⁶⁷). Благодать Божія, по Тертуліану, подобна матеріальной силѣ. Если она сконпляется въ одномъ мѣстѣ, то является недостатокъ въ ней въ другомъ. „Небесные дары пророчества, говоритъ онъ, которыми обладалъ Креститель послѣ переселенія во всей полнотѣ Духа Святаго въ Иисуса Христа, до такой степени въ немъ оскудѣли, что онъ, не познавая уже Того, о пришествіи Котораго самъ возвѣстилъ, послать къ Нему спросить: „Ты-ли грядый, или иного чаемъ“ (Мт. XI, 3)?

Такими-же характеристическими особенностями отличаются эсхатологическія представленія Тертуліана. Исторія человечества должна закончиться тысяцелѣтнимъ царствомъ Христа на землѣ. Для наслажденія благами этого земнаго царства воскреснутъ одни лишь святые, которые будутъ обитать въ нерукотворенномъ городѣ Иерусалимѣ, уготованномъ для нихъ Богомъ и находящемся въ настоящее время на небѣ. Его Апостоль Павелъ называетъ матерію всѣхъ насъ (Гал. IV, 26). Онъ былъ извѣстенъ пророку Іезекилю, его видѣлъ Ап. Іоаннъ (Іез. XLVIII, 30 Апок. XXII, 2). Наши-же пророки (пророки монтанистовъ) предсказываютъ его видимое явленіе и въ подтвержденіе этого ссылаются на то обстоятельство, что отраженіе этого города иногда и теперь бываетъ видимо на небѣ; это случи-

⁶⁶) Ibid. 27.

⁶⁷) De bapt. 4.

лось въ дѣйствительности во время одного похода на Востокъ и подтверждено языческими свидѣтелями. Въ Иудеѣ въ теченіе 40 дней ежедневно утромъ являлся на лазури неба городъ, а къ полудню исчезалъ, и однако вблизи не было ни одного города. Когда этотъ городъ спустится съ неба, то въ немъ будутъ наслаждаться праведные полнотою духовныхъ благъ, ибо справедливо и достойно Бога утѣшить Своихъ служителей на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они страдали за имя Его. Впрочемъ не всѣ святые воскреснутъ одновременно, но одни раньше, другіе позже, смотря по заслугамъ. По истеченіи 1000 лѣтъ тѣла святыхъ измѣнятся и сдѣлаются свѣтозарны подобно ангельскимъ, потомъ наступитъ всеобщее воскресеніе, судъ и вѣчное мученіе грѣшниковъ⁶⁷⁾. Орудіемъ наказанія грѣшниковъ будетъ служить огонь, который нынѣ терзаетъ внутренность землаго шара. О разрушительной силѣ его можно судить потому, что однихъ искръ его, вылетающихъ изъ жерла вулкановъ, достаточно, чтобы разрушить цѣлые города: о вѣчности его говоритъ то, что ни колебаніе, ни исчезновеніе горъ не могло погасить этого источника пламени⁶⁸⁾. Пламень этотъ—падетъ-ли онъ въ видѣ громовой стрѣлы или исторгнется изъ земли чрезъ горныя вершины—одинаково не пожираетъ того, что жжетъ. Горы горятъ и при всемъ томъ существуютъ. Вотъ почему онъ особенно ужасенъ. Онъ будетъ всегда возстановлять пожираемое имъ тѣло грѣшника⁶⁹⁾.

Въ нравственной области возможны также два главныхъ направленія—идеалистическое и реалистическое. Для перваго важно настроеніе, которое служить источникомъ нравственныхъ поступковъ, второе больше придастъ значенія самымъ поступкамъ. Первое старается развить въ человѣкѣ извѣстное расположеніе чувства—любовь къ ближнему, благоговѣніе къ Богу и покорность Его волѣ, и мало заботится о виѣшней регламентаціи поведенія, второе хочетъ дать подробныя указанія, когда и какъ слѣдуетъ дѣйствовать. Первое, впадая въ крайность часто ведетъ къ кві-

⁶⁷⁾ Adv. Marc. III, с. 24.

⁶⁸⁾ De reserit. 12.

⁶⁹⁾ Apol. 48.

тизму: довольствуется радостями благихъ намѣреній и не хочетъ знать страды нравственной дѣятельности. Второе въ своей односторонности ведетъ къ простой легальности, къ поведенію лишь по виѣшности, соотвѣтствующему требованіямъ нравственности, но по духу на столько чуждому его, что даже мученичество можетъ вмѣниться въ ничто (I Кор. 13 гл.). Идеалистическое направленіе отталкиваетъ однако реалистическія натуры своей неопредѣленностію и отсутствіемъ осязательности. Въ самомъ дѣлѣ, если отвѣсти регламентаціи виѣшняго поведенія второстепенное мѣсто, то теряется наглядный масштабъ для оцѣнки собственнаго и чуждаго поведенія. Приходится много думать, какъ поступить при данныхъ обстоятельствахъ потому что каждый случай имѣетъ свои особенности, сообразно съ которыми долженъ измѣняться характеръ и образъ дѣйствій. Далѣе, когда поступокъ совершенъ, то и тогда требовательная къ себѣ совѣсть не можетъ успокоиться. Поврежденіе нашей нравственной природы такъ велико, что къ самымъ благороднымъ нашимъ чувствамъ примѣшивается тѣнь эгоизма и свескорыстія, такъ что иногда не можешь дать себѣ отчетъ, по какимъ собственно мотивамъ дѣйствовать. Также неопредѣленность имѣетъ мѣсто и при сужденіи о поведеніи другихъ. Все зависитъ отъ мотивовъ. Возьмемъ примѣръ изъ времени Тертуліана. При возникновеніи гоненій многіе изъ епископовъ бѣжали -- большинство по слабости, а нѣкоторые для того, чтобы въ тяжкое время не оставить стада безъ пастыря. Какъ было судить о нихъ? Судьею здѣсь могъ быть только Богъ и ихъ совѣсть. Точно также вопль, отказавшійся надѣть на голову вѣнокъ, не согрѣшилъ бы, поступивъ обратно, въ томъ случаѣ, еслибы подчинился требованію начальства не изъ страха предъ возможнымъ наказаніемъ, а изъ искренняго желанія спасти миръ церкви отъ могущаго произойти вѣдствіе его ослушанія взрыва языческой несправедливости ко всѣмъ вообще христіанамъ. Все дѣло здѣсь въ мотивѣ, но онъ ускользаетъ отъ виѣшняго наблюденія, не оставляя возможности правильно оцѣнить поступокъ съ нравственной точки зрѣнія.

Реалистическая натура Тертуліана не могла помириться съ подобною неопредѣленностію. Ему нужны были ясныя

и опредѣленные нравственные правила, чтобы можно было дѣйствовать, не задумываясь долго. Ему нужно было знать людей, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ нимъ. Вотъ потому-то Тертуллианъ такъ мало говоритъ о нравственномъ настроеніи, о любви къ ближнему и такъ подробно хочетъ регламентировать всю жизнь человѣка. Онъ окончательно склоняется къ номизму и съ логическою необходимостію раздѣляетъ участь всѣхъ номистовъ. Во первыхъ, его могучій нравственный характеръ, способный на самыя тяжелыя жертвы ради идеи, совершенно размѣнивается на мелочи. Тертуллианъ входитъ во всѣ подробности обыденной жизни, стремясь подвести ихъ подъ извѣстныя нормы и правила. Говоритъ онъ объ обстановкѣ христіанскихъ домовъ, о платьѣ, дозволенномъ для христіанина, касается косметики и куафюры женщинъ, настаиваетъ, чтобы дѣвушки являлись въ богослужебныя собранія съ покрытою головою, разсуждаетъ о томъ, когда христіанинъ можетъ принять приглашеніе язычника и когда долженъ отказаться, и наконецъ пишетъ цѣлый трактатъ о преимуществахъ палліума или плаща предъ тогой ⁷⁰⁾. Во вторыхъ, характеристичны мотивы, на которые часто ссылается Тертуллианъ, запрещающія ту или другую мелочь жизни. На ряду съ болѣе важными и серьезными соображеніями онъ приводитъ основанія, поражающія своею искусственностію и натянутостію. Заниматься косметикой и посвящать слишкомъ много заботъ своей виѣшности, конечно, дурно, потому что все это служитъ несомнѣннымъ признакомъ душевной пустоты и отсутствія серьезныхъ нравственныхъ интересовъ. Тертуллианъ не ограничивается этимъ, но видитъ напр. въ приготовленіи цвѣтныхъ матерій оскорбленіе Бога, дерзкую критику Его творенія, стремленіе передѣлать и измѣнить по своему вкусу твореніе Божіе, ибо „Богъ и самъ сотворилъ бы овецъ, шерсть которыхъ была бы багрянаго или другихъ блестящихъ цвѣтовъ, если бы это было нужно“ ⁷¹⁾. Въ его время были въ модѣ громадные парики, которые покрывали голову въ видѣ высокой жреческой шапки. Тертуллианъ возстаетъ противъ этой моды, потому что видитъ въ пей

⁷⁰⁾ De idol. 16, 21—22.

⁷¹⁾ De cult. foem. I, 8; II, 10.

желаніе произвольно увеличивать свой ростъ чуть не на цѣлый локоть, вопреки извѣстнымъ словамъ Ев. Мо. (VI, 27), которыя онъ объявляетъ заповѣдью ⁷²⁾). По этой-же причинѣ онъ запрещаетъ носить обувь съ каблуками. „Противникъ Божій дѣволъ, говоритъ онъ ⁷³⁾), знаетъ, что никтоже пекиія о себѣ, можетъ приложить возрасту своему локоть одинъ (Мо. VI, 27), но учить трагическихъ актеровъ подыматься на каблукахъ, какъ-бы издѣваясь надъ сими словами“. „Не кладите на голову, освященную крещеніемъ, убѣждаетъ Тертуліанъ христіанокъ, волосъ чужой головы, этихъ смертныхъ остатковъ какого-нибудь бѣдника, нечистаго, уморнаго отъ распутства, или злодѣя, осужденнаго гееннѣ. Свободная голова должна быть свободна отъ всѣхъ этихъ тягостныхъ убранствъ“ ⁷⁴⁾). Тертуліанъ порицаетъ также мѣновую торговлю на томъ основаніи, что каждый народъ долженъ довольствоваться произведеніями своей страны и не долженъ желать пріобрѣсти того, что Богомъ назначено въ удѣлъ другимъ народамъ ⁷⁵⁾).

Въ связи съ номизмомъ стоитъ и тотъ фактъ, что на всей жизни Тертуліана и на всѣхъ его сочиненіяхъ лежитъ мрачный отблескъ страха вѣчнаго осужденія, какъ у апостола Павла въ іудействѣ и у Лютера въ католичествѣ. Отецъ Небесный является въ его сознаніи преимущественно въ образѣ Грознаго Судьи, готоваго карать за каждый нравственный промахъ. Любви, какъ преимущественнаго мотива для нравственной дѣятельности, у Тертуліана не существуетъ. Таковыми главнымъ образомъ должны служить съ одной стороны долгъ христіанина—война Христа—сражаться за Него и переносить всевозможныя лишенія, съ другой предѣсть райскихъ наградъ и страхъ вѣчныхъ мученій ⁷⁶⁾). „Мы исповѣдуемъ ученіе наше, говоритъ онъ, изъ страха къ суду Божію...“ ⁷⁷⁾). „Гдѣ пѣтъ страха, тамъ пѣтъ и причины исправляться“ ⁷⁸⁾). Если бы у Тертуліана было больше сердечности, онъ не впасть

72) Ibid II, 7.

73) Spect. 23.

74) De cult. foem. II, 7.

75) Ibid. I, 9.

76) Ad mart. 3.

77) De test. an. 2; Apol. 19; de poenit. 5.

78) De poenit. II.

бы въ такія крайности номизма. Любовь легко разрываетъ тѣ пути, которыми номизмъ связываетъ нравственное существо человѣка. Милосердый самарянинъ помогаетъ избитому и ограбленному путнику, не освѣдомляясь о томъ, къ какой національности принадлежитъ этотъ несчастный и пѣтъ-ли опасности оскверниться чрезъ прикосновеніе къ еретику. Человѣкъ любящій и въ субботу не затруднится помочь страждущему. Но у Тертуліана было гораздо больше любви къ принципу — къ христіанству, какъ доктринѣ, ради торжества которой онъ былъ готовъ пожертвовать всѣмъ, чѣмъ къ людямъ, которыми онъ былъ окруженъ. Потому-то онъ съ петрѣриѣніемъ ждетъ страшнаго суда, чтобы насладиться мученіями грѣшниковъ и язычниковъ, этихъ жестокихъ враговъ исповѣдуемой имъ религіи. Убѣждая христіанъ не посѣщать театра, цирка и боя гладіаторовъ, Тертуліанъ указываетъ имъ на тѣ нравственныя наслажденія, которыя даетъ имъ христіанство взамѣнъ этихъ удовольствій плоти. Если имъ недостаточно еще и этого, то онъ умоляетъ ихъ подождать откровенія славы Божіей и всеобщаго суда, которыя ближе къ нимъ, чѣмъ вообще думаютъ, обѣщая имъ зрѣлище по своему захватывающему интересу несравнимое ни съ какими земными зрѣлищами. „Какое обширное зрѣлище откроется тогда предъ нами, говоритъ онъ, какой предметъ смѣха, радости и удовольствія явится для насъ, когда множество могущественныхъ царей, о которыхъ говорятъ, что они взяты на небо, вмѣстѣ съ ихъ юпитеромъ и свидѣтелями ихъ вознесенія станутъ изъ глубины ада оглашать воздухъ своими воплями! Какое внезапное восхищеніе охватитъ насъ, когда мы увидимъ, что столько правителей, столько судей, столько гонителей имени христіанскаго горять неугасимымъ огнемъ, который будетъ гораздо невыносимѣе огня, пожравшаго мучениковъ, между тѣмъ какъ послѣдніе возрадуются и возвеселятся, взирая на жестокую и вѣчную казнь своихъ мучителей. Прибавьте сюда мудрыхъ философовъ, которые со стыдомъ будутъ горѣть въ огнѣ предъ своими учениками..., присоедините сюда поэтовъ, которые неожиданно въ страхѣ предстанутъ предъ судилищемъ Христа. Тогда-то трагическіе актеры подъ бременемъ своего несчастія будутъ испускать вопли плачевные и громче, чѣмъ какими прежде оглашали театръ. Тогда то

шуты и гаеры сдѣлаются еще эластичнѣе и гибче отъ огня. Возницы цирка будутъ еще интереснѣе, когда будутъ горѣть въ колесѣ изъ пламени... Впрочемъ тогда, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на этихъ несчастныхъ, я предпочту обратить свои ненасытные взоры на тѣхъ, злодѣяніе которыхъ простиралось на самого Господа (іудеевъ). Вотъ, скажу я имъ, тотъ сынъ плотника, и дѣвы, тотъ разрушитель субботы, тотъ самарянинъ, тотъ одержимый бѣсомъ человекъ, вотъ тотъ, кого вамъ продалъ Иуда, вотъ тотъ, кого похитили тайно ученики, чтобы потомъ раснудить слухъ о его воскресеніи—или тотъ, трунъ котораго садовникъ положилъ въ другое мѣсто, боясь, чтобы множество посятителей не испортили ему салатъ. Такого великолѣпнаго и величественнаго зрѣлища не доставить тебѣ ни одинъ преторъ, ни одинъ консуль, ни одинъ жрецъ. Эти наслажденія мы переживаемъ до нѣкоторой степени уже теперь—черезъ вѣру—въ своихъ мысляхъ и представленіяхъ“⁷⁹⁾. Мы съ намѣреніемъ привели эту довольно длинную выписку изъ сочиненій Тертуліана, потому что она чрезвычайно наглядно рисуетъ сердечное настроеніе этого писателя. Не очевидно-ли изъ нея, что христіанство не произвело радикальнаго обновленія въ его сердцѣ? Человекъ, который въ годину бѣдствій и преслѣдованій усаждается въ своемъ воображеніи картинами будущихъ мученій своихъ враговъ, не слишкомъ далеко ушелъ отъ язычника... Онъ ожидаетъ для себя въ будущей жизни тѣхъ-же наслажденій, которыя язычники приготовляли для себя здѣсь, въ своихъ коллизіяхъ. Они тоже по большей части бросали львамъ и тиграмъ тѣхъ, кого считали врагами и преступниками государственнаго порядка. Если бы мѣсто цезаря въ Римѣ занялъ христіанскій императоръ и воздвигъ гоненіе противъ язычниковъ, то Тертуліану, вѣроятно, было бы не непріятно видѣть эту кровавую расправу, хотя, подчиняясь предписаніямъ своей религіи, онъ, можетъ быть, и отказалъ бы себѣ въ этомъ удовольствіи. Какую противоположность въ этомъ отношеніи представляетъ Тертуліанъ Оригену, сердце котораго переполнено было любовью и не

⁷⁹⁾ De Spect. 30.

могло помириться даже съ мыслию о вѣчномъ мученіи демоновъ! Какъ далеко стоитъ опъ отъ Исаака Сирина, которому принадлежать слѣдующія слова: „отъ упоенія любовью къ Богу сердце челоуѣка возгорается о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и о вѣхъ вообще тваряхъ безъ различія добрыхъ и злыхъ“! (Правственная жизнь по Исааку Сирину. Хр. Чт. 1859. I стр. 321).

Характеръ Тертулліана очень ясно отразился и въ его апологетикѣ. Если сравнить это сочиненіе съ подобными же произведеніями греческихъ авторовъ, которыми Тертулліанъ къ тому же пользовался, то ясно обнаружится вся разница въ складѣ ума грековъ и римлянина. Греческія апологіи христіанства отличались философскимъ характеромъ. Въ нихъ христіанство оправдывалось съ философской точки зрѣнія. Этою стороною дѣла интересовались въ Греціи, въ этой колыбели европейской философіи, хотя преслѣдованія христіанъ обусловливались вовсе не мифіями о философской состоятельности христіанства. На западѣ вообще меньше интересовались отвлеченными вопросами и Тертулліанъ въ этомъ отношеніи былъ, какъ уже замѣчено, вѣрнымъ выразителемъ національнаго духа. Съ свойственной ему практическію, опъ ясно видѣлъ, что вовсе не теоретическія соображенія служатъ причиною гоненій на христіанъ, а отчасти народная ненависть, инстинктивно чувствующая въ христіанствѣ непримиримаго врага языческаго строя жизни, главнымъ-же образомъ обвиненія въ явныхъ и тайныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ будто бы были виновны христіане. Поэтому въ своей апологіи Тертулліанъ не занимается доказательствомъ истины христіанства, но какъ судебный адвокатъ отмѣчаетъ во первыхъ не соблюденіе юридическихъ формальностей при судопроизводствѣ надъ христіанами, во вторыхъ защищаетъ ихъ противъ взводимыхъ на нихъ обвиненій. Такимъ образомъ все сочиненіе пріобрѣтаетъ чисто юридическій характеръ. Опъ сказывается уже въ самомъ планѣ апологіи. Во вступленіи (1—6 гл.) развиваются нѣкоторыя юридическія начала. Здѣсь напр. раскрывается внутреннее противорѣчіе закона Траяна, запрещавшаго разыскивать христіанъ и повелѣвавшего наказывать тѣхъ изъ нихъ, которые представлены въ судъ (гл. II), указывается на незаконность примѣненія пытки къ хри-

стіанамъ съ цѣлію принудить ихъ къ отреченію отъ имени христіанина, тогда какъ обыкновенно она употребляется для того, чтобы вынудить признаніе въ преступленіи (*ibid.*), наконецъ доказывается необходимость измѣнять законы устарѣвшіе или несправедливыя (гл. IV). Собственно апологія раздѣляется на двѣ неравныхъ части. Первая состоитъ изъ трехъ главъ (7—9), вторая изъ 36-ти (10—46). Причина такой неравномѣрности заключается въ различной степени важности предъ римскимъ судомъ предметовъ, служащихъ содержаніемъ обѣихъ частей. Въ первой части содержится защита противъ обвиненія въ тайныхъ преступленіяхъ. Такъ какъ причиною изданія противохристіанскихъ законовъ служили не тайныя преступления, а явныя, то первая часть апологетика отличается краткостію. Гораздо подробнѣе вторая часть, посвященная защитѣ противъ обвиненій въ явныхъ преступленіяхъ — въ оскорбленіи религіи и царскаго величества ⁸⁰⁾).

Реалистическая черта обнаруживается также въ способѣ, которымъ Тертуліанъ пользовался для доказательства своихъ мыслей. Въ доказательствахъ у него рѣшительно преобладаетъ фактъ надъ діалектикой и отвлеченнымъ разсужденіемъ. Божественность Писанія онъ доказываетъ исполненіемъ заключающихся въ немъ пророчествъ (Apol. 20). Причиною общественныхъ бѣдствій язычники считали христіанъ, навлекающихъ на страну гнѣвъ боговъ. Тертуліанъ перечисляетъ массу историческихъ фактовъ—наводненій, землетрясеній, гибели городовъ отъ изверженія вулкановъ, жестокостей войны, изсушенія морей—имѣвшихъ мѣсто въ древности, ранѣ возникновенія христіанства ⁸¹⁾). Желая показать превосходство христіанской нравственности предъ нравственностію философовъ, Тертуліанъ перечисляетъ множество біографическихъ анекдотовъ изъ жизни философовъ, не рекомендуя ихъ со стороны нравственной чистоты (Apol. 46). Въ доказательство того, что изъ Св. Писанія можно извлечь оправданіе для какой угодно доктрины, если произвольно выбрать одни тексты и безъ

⁸⁰⁾ Щегловъ. Апологетикъ Тертуліана. Тр. К. Д. А. 1887 г. III, 497—498.

⁸¹⁾ Apol. 40.

вниманія оставлять другіє, содержащіє противоположную мысль,—онъ ссылаєся на Озидія Гета, составившаго изъ отдѣльно взятыхъ стиховъ Virgilія цѣлую трагедію Медея,—на Гомеровы кентопы или цѣлыя поэмы, составленныя изъ стиховъ Гомера и другія литературныя упражненія въ этомъ-же родѣ ⁸²⁾). Въ борьбѣ съ еретиками Тертуллианъ поражаетъ ихъ обыкновенно текстами Св. Писанія, буквально истолкованными. Но въ богословіи текстъ имѣетъ такое-же значеніе какое въ другихъ наукахъ фактъ. Здѣсь важно не раскрытіе содержащейся въ немъ мысли, но самая наличность этой мысли. Реалистическія наклонности Тертуллиана обнаруживаются въ указанномъ способѣ доказательствъ мысли столько-же, сколько и въ томъ обстоятельстве, что онъ имѣлъ въ своемъ запасѣ необходимое для этого огромное количество фактовъ изъ самыхъ разнообразныхъ областей человѣческаго познанія—философіи, литературы, права, исторіи, медицины, естествовѣденія, археологіи и др. Эрудиція его была поразительна. Въ одномъ Апологетикѣ кромѣ церковныхъ писателей, Тертуллианъ цитуетъ: Плинія Младшаго, Геродота, Ктезія, Діодора Сицилійскаго, Кассія Севера (Гемина), Корнелія Пепота, Сенеку, Пиндара, Діогена Циника, Варрона, Тацита, Аристеса, Мансоона, Бероза, Птоломея, Герона, Дмитрія Фалерійскаго, Юсифа Флавія, Оалла, Менандра, Юба, Анніона, Платона, Циперона и Пиррона. Имена этихъ писателей названы въ Апологіи. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе авторовъ, изъ сочиненій которыхъ заимствованы свѣдѣнія, но имена которыхъ не указаны Тертуллианомъ: Діогенъ Лаэртій, Плутархъ, Плиній Старшій, Авлъ Геллій, Титъ Ливій, Virgilій, Гомеръ и Светоній ⁸³⁾). Для насъ важно то, что Тертуллианъ заимствуетъ у этихъ писателей не развитіе извѣстной мысли, а опять таки фактъ. Память-же фактовъ есть одна изъ особенностей реалистическаго склада ума. Натуры созерцательныя, способныя къ широкимъ обобщеніямъ и построенію всеобъемлющихъ философскихъ концепцій, обыкновенно не отличаются слишкомъ живою

⁸²⁾ De preser. 39.

⁸³⁾ Щегловъ. Аполог. Терт. Труды К. д. Академіи. 1888 стр. 405—430.

памятью. У Григорія Богослова мы не встрѣтимъ такого множества фактическихъ свѣдѣній.

Итакъ, практическій, нерасположенный къ отвлеченнымъ спекуляціямъ духъ Тертулліана сказался эмпиризмомъ въ теоріи познанія, реализмомъ въ догматикѣ, номизмомъ въ этикѣ, и юридическимъ характеромъ апологетика.

И. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
